

Гуманистический вектор постнеклассического библиотекovedения

Рассматривается траектория движения библиотековедческой мысли от классического просветительства к советскому квазигуманизму и далее к информационному квазигуманизму. Обоснована необходимость перехода от неклассической информационной рациональности к постнеклассической гуманистической рациональности.

Ключевые слова: гуманизм, информатизация, классическое библиотековедение, неклассическое библиотековедение, постнеклассическое библиотековедение, рациональность.

Три типа научной рациональности

Библиотековедение располагает довольно большим и разнообразным научным багажом, созданным талантливыми и трудолюбивыми учеными, педагогами, практиками библиотечного дела. Для ориентации в этом багаже и определения перспектив движения библиотековедческой мысли необходимо различать *три типа научной рациональности: классическую, неклассическую и постнеклассическую*. Идею существования и смены в научном познании различных типов рациональности в 1989 г. высказал выдающийся отечественный философ-наукоед академик В.С. Степин [15]. В 2006 г. Е.В. Никонорова предложила использовать типологию рациональности для анализа динамики библиотековедческой мысли [8]. Попробуем реализовать это предложение.

В.С. Степин разграничил различные типы рациональности следующим образом. Классическая рациональность достаточна для познания объектов, представляющих собой простые системы; неклассическая рациональность нужна для освоения сложных саморегулирующихся систем; постнеклассическая рациональность требуется при изучении сложных саморазвивающихся систем. Сложность объектов научного исследования диктует использование различных методов и норм (идеалов) объяснения и описания, обоснования и доказательности, построения научного знания. Наконец, важной характеристикой научной рациональности являются ценностно-целевые установки, которыми руководствуется исследователь, и которые соответствуют научной картине мира, принятой в данную эпоху.

В своих публикациях В.С. Степин, детализируя предложенную типологию, оперирует примерами смены типов рациональности в естественных, биологических, социальных науках [13, 14]. Так, классическое естествознание, до-

**Аркадий Васильевич
Соколов,**
профессор
Санкт-Петербургского
государственного
университета культуры
и искусств,
доктор педагогических наук

минировавшее в европейской науке с XVII до конца XIX в., основывалось на механистической картине мира, представляющей собой совокупность целостных объектов (от атомов до небесных тел), взаимодействующих друг с другом по законам механики в абсолютном пространстве и времени. Ограниченность классической рациональности обнаружилась при обращении к объектам микромира, которые не укладываются в механистическую картину мира. Неклассическая рациональность воцарилась в физике в первой половине XX в. после обоснования А. Эйнштейном относительности пространства и времени. Наконец, в конце века выяснилась необходимость учета эволюции сложных физических систем, потребовалось включить в научную картину мира синергетические представления о самоорганизации и развитии, о бифуркациях и т. п., что обусловило появление постнеклассической рациональности.

Аналогичную познавательную динамику В.С. Степин обнаружил в биологических и социальных науках. Он обратил внимание на то, что неклассическое рассмотрение самоорганизующихся биологических и социальных систем «остро ставит проблему информации и управления как имманентных характеристик системы». В итоге академик сделал вывод, что «идеи и представления об эволюции основных сфер Универсума — неживой природы, живой природы и общества составляют концептуальное ядро современной научной картины мира» [13, с. 181]. При этом он подчеркнул: «При исследовании сложных развивающихся систем дополнительные этические регулятивы и социально-этическая экспертиза научных программ предстают как условие такого исследования» [13, с. 202—207].

Обращаясь к научному багажу библиотековедения, легко обнаружить превалирование в нем идеалов и норм исследования, свойственных классической рациональности. В.С. Степин отмечал: «На этапе классической науки доминировал идеал, согласно которому объяснение и описание должны включать только характеристики объекта. Отклонение от этих норм воспринималось как отказ от объективности знания. ...В качестве главных требований обоснования теории выдвигались два принципа: подтверждение теории опытом и очевидность (наглядность) ее фундаментальных постулатов. Полагалось, что из двух альтернативных теоретических описаний одной и той же области опыта истинным может быть только одно. Основным методом построения теории полагалось обобщение опытных фактов» [13, с. 187—188].

Если обратиться к классическим библиотековедческим учебникам и монографиям Л.Б. Хавкиной, Н.А. Рубакина, Е.И. Шамурина, Ю.В. Григорьева, О.С. Чубарьяна, нетрудно обнаружить соблюдение требований классической рациональности: описание истории и современного состояния библиотек и библиотечных сетей, книжных потоков и формирования фондов, контингента читателей и библиотечного обслуживания населения, методов обработки новых поступлений и пропаганды литературы, наконец, зданий и оборудования библиотек. Все перечисленные объекты являются простыми эмпирически данными системами, легко поддаются опытному изучению и не требуют абстрактного моделирования. Библиотековедческая классика соответствует нормам историко-филологической методологии, свойственной современным гуманитарным наукам. В этом ее непреходящее практическое значение и теоретическая слабость, обусловившая наступление неклассической рациональности, культивирующей иные идеалы научного познания.

Особенности неклассики В.С. Степин раскрывает следующим образом: «В противоположность идеалу единственно истинной теории, укореняется норма, допускающая альтернативные теоретические описания одной и той же реальности, в каждом из которых может содержаться момент объективно-истинного знания» [13, с. 190]. Эту неклассическую норму охотно взяла на вооружение общая теория библиографоведения, которая насчитывает сейчас около десятка конкурирующих концепций библиографии [12].

В.С. Степин отмечает принципиально новый, альтернативный классическому, способ построения теории, основанный на гипотетических предположениях и абстрактных моделях. Принцип обоснования теории опытом сохраняется как нормативное требование, но он уже не сводится к подтверждению предсказаний теории опытными фактами. Идеал совершенства теории заключается в возможности «на основе небольшого числа принципов объяснить расширяющийся массив разнородных явлений, связывая в единой системе теоретического описания и объяснения и такие области опыта, которые могли казаться несовместимыми до создания теории» [13, с. 191].

В области библиотечной науки первым теоретиком, решительно вышедшим на просторы неоклассики, следует считать Ю.Н. Стоярова, более тридцати лет тому назад предложившего четырехэлементную системно-функциональную модель библиотеки, до сих пор сохраняющую свое познавательное значение [16]. С его легкой руки системный и функциональный методологические подходы получили признание в библиотечной науке. Однако еще более широкое распространение получила методология информационного подхода, которая стала характерной особенностью неклассического библиотековедения.

Неклассическое библиотековедение

В настоящее время никого не удивляет утверждение, что научные библиотеки выполняют функции информационных центров. Более того, оказалось, что информационная деятельность осуществляется библиотеками всех остальных типов. Даже в детских библиотеках, наряду с педагогической (воспитательной, образовательной) функцией, функциями социализации и инкультурации, обязательно отмечается информационная функция, которая «как основополагающая обеспечивает ценностно-ориентационную (аксиологическую) деятельность детской библиотеки» [3]. В Федеральном законе «О библиотечном деле» библиотека трактуется как «информационное, культурное, образовательное учреждение...» [17]. Современные библиотековеды видят библиотеки как разновидность информационных учреждений, а «неинформационных библиотек», т. е. библиотек, не осуществляющих информационные функции в процессе информационной деятельности по удовлетворению потребностей своих пользователей, современное библиотековедение не знает. Подобное понимание библиотеки является *неклассическим* и, стало быть, исповедует его *неклассическое библиотековедение*. Как реализуется неклассическая рациональность, открытая В.С. Степиным, в неклассической библиотечной науке? Попробуем разобраться в этом, надо признать, запутанном, вопросе.

Теоретическая информатизация библиотечного дела, о которой библиотековеды-классики не догадывались, произошла в 1990-е годы. В это время библиотечные реформаторы решительно отвергли идеологическую функцию, отодвинули на второй план культурно-просветительную и отдали приоритет информационной функции. Историк библиотековедческой мысли А.Н. Ванеев констатировал, что «большинство библиотековедов рассматривало библиотеку как особую информационную, документно-коммуникационную систему, удовлетворяющую информационные потребности» [1]. В качестве активного пропагандиста информационной концепции в библиотечной науке выступил Виктор Васильевич Скворцов (1939—2005), взгляды которого разделялись и разделяются многими библиотечными специалистами [9—11].

Исходный пункт концепции В.В. Скворцова состоит в утверждении, что многие страны достигли весьма крупных успехов на пути преобразования в информационное общество, а библиотечное дело превратилось в одну из мощных отраслей «индустрии информации», чему способствовали развитие Интернета, сетевых информационных ресурсов, электронных баз и банков данных. Традиционная библиотека все более приобретает черты библиотеки автоматизированной (электронной, цифровой), которая не требует обязательного физического присутствия читателя в ее помещении. Доступ к информационным ресурсам может осуществляться по телекоммуникационным каналам. Основополагающая роль информационной деятельности обуславливает приоритетное значение информационной функции по сравнению с культурной и образовательной функциями, также названными в законе «О библиотечном деле». Реализуется информационная функция в виде процесса удовлетворения информационных потребностей читателей массивом информации, накопленным в библиотеке, а также другими доступными источниками информации.

В.В. Скворцов характеризует *информационную функцию библиотек* следующим образом:

- она имеет исходный, основополагающий характер для деятельности всех библиотек, является родовой для всех информационных учреждений, и в этом смысле библиотека не отличается от органов научно-технической информации и средств массовой информации (радио, телевидение), поэтому библиотеки — «одна из разновидностей обширного класса информационных учреждений»;

- в широком международном и историческом контексте эта функция присуща библиотекам всех времен и народов, включая период господства рукописной и печатной книги;

- информационная функция — это всеобщая функция библиотек, потому что во всех библиотеках без исключения (технических, детских, религиозных и т. д.) читателям выдается не что

иное, как информация; при этом не имеет значения форма выдаваемой информации — книга, журнал, дискета, устное сообщение, а также тип (вид, жанр) литературы;

- на основе сущностной информационной функции формируются два класса производных функций: внеисторические (мемориальная, кумулятивная, утилитарная) и конкретно-исторические (социализирующая, образовательная, культурная, рекреационная) [10, с. 170—176].

Анализ показывает, что «свойства информационной функции библиотек», провозглашенные В.В. Скворцовым, соответствуют нормам неклассической рациональности. Информационная функция «не подтверждается опытными фактами», потому что библиотеки предоставляют читателям документы (произведения письменности и печати), а не информацию в чистом виде. Информационная функция, как таковая, не наблюдается, поскольку деятельность библиотек, соответствующая «информационной функции», реализуется в виде коммуникативной, образовательной, культурно-просветительной, научно-вспомогательной и других конкретных функций. Именно поэтому информационная функция именуется «родовой», «сущностной», «приоритетной» и т. п.¹ Таким образом, информационная функция есть *элемент информационной модели библиотеки*, она существует в виртуальном пространстве этой модели (информационной картине мира), а не в социальной реальности. Классическая рациональность никогда не оперировала информационными моделями и прочими информационными понятиями. Проблема информации и управления, как отметил В.С. Степин, актуальна только для неклассических концепций (см. выше). Можно сказать, что методология информационного подхода является *отличительным признаком неклассического библиотековедения*.

Концепция В.В. Скворцова познавательна в том отношении, что она демонстрирует два понимания сущности библиотеки:

- *классическое*, считающее библиотекой учреждение, обеспечивающее общественное пользование книгами и не допускающее существование «библиотеки без книг и без читателей»;

- *неклассическое*, понимающее под библиотекой информационную службу, предоставляющую пользователям документированную или недокументированную информацию локально или дистанционно, и допускающее существование «библиотеки без книг и без читателей».

Трактовка «информационной библиотеки» нуждается в уточнении. «Библиотека без книг и без читателей» возможна только при условии реализации ее с помощью сетевых компьютерных технологий, которые появились в конце XX века. Не напрасно же В.В. Скворцов, обосновывая свою концепцию, говорит о всемирном процессе информатизации, автоматизированных библиотеках и Интернете. Но дальше выясняется, что информационные функции присущи библиотекам всех типов и всех времен и народов, включая средневековые, монастырские и т. д. Уточнения нужны потому, что области существования «информационных библиотек» оказываются различными: либо все библиотеки являются службами, выполняющими информационные функции, либо только высоко автоматизированные и компьютеризированные службы, работающие в режиме онлайн. Если справедлив первый вариант, то остается в силе классическое понимание, и библиотека остается библиотекой; если же принять второй вариант, то имеет место не библиотека, а «информотека»², которой не нужны ни книги, ни читатели.

Библиотечно-библиографический социальный институт представляет собой саморазвивающуюся систему, поэтому его правомерно рассматривать с позиции постнеклассической рациональности. Характеризуя эту позицию, В.С. Степин отметил, что особенность постнеклассической картины мира заключается в том, что «современный глобальный эволюционизм соединяет идеи эволюции и системного подхода в той его версии, основой которой являются представления о сложных саморазвивающихся системах»

[13, с. 182]. Далее он специально подчеркивает: «Идея науки как гуманистически ориентированная обретает в постнеклассическом рационализме новые гуманистические измерения и новую глубину» [13, с. 206]. Это замечание особенно важно для нас, потому что оно указывает вектор перерастания неклассического библиотековедения в постнеклассическую библиотечную теорию. Этим вектором является *гуманизм*. Следовательно, насущные приоритеты дальнейшего развития библиотечно-библиографических наук заключаются в изучении не информатизации, а *гуманизации* библиотечного дела. Задача этого изучения состоит в поиске путей использования в библиотеках информационного общества техногенных средств для достижения гуманистических целей. Этот вывод указывает направление движения российской библиотековедческой мысли в наступившем столетии.

От классического просвещения к постнеклассическому гуманизму

Академик В.С. Степин отмечал, что существенной характеристикой научной рациональности являются ценностно-целевые установки, которыми руководствуется исследователь (см. выше). Они *исторически обусловлены*, и история отечественной библиотечной науки и практики — тому пример. В разные периоды российской истории социальная миссия и сущность библиотечного института понимались по-разному. Можно выделить, по крайней мере, *три версии библиотечной рациональности*:

- просветительская;
- советская;
- информационная.

Первые две версии воплощают классическую рациональность, а информационная версия — продукт неоклассики. Познакомимся поближе с этими версиями.

Просветительская версия — наследие эпохи Просвещения (XVIII в.), когда, по словам Б.Ф. Володина, «современники начали воспринимать библиотеку как одно из важнейших учреждений общества, как социальный институт, от организации работы и активности которого зависит уровень образованности граждан. Лучшими библиотеками этого времени становятся те, которые начинают ориентироваться на идеалы энциклопедической библиотеки» [2]. XIX в. характеризуется повсеместным ростом грамотности и культурного уровня населения, происходит массовое образование общедоступных публичных, городских, народных (в России — уездных, губернских, земских, церковно-приходских) библиотек, учреждаемых государством, общественными организациями, меценатами, церковью. Классическое библиотековедение в соответствии с благородными идеалами Просвещения всегда считало миссией библиотек бескорыстное распространение

знаний, культуры, внешкольного образования. Эта установка отлично выражена Л.Б. Хавкиной в классическом труде «Книга и Библиотека» (1918), переизданном РНБ в 2011 году [19].

В общедоступных и бесплатных библиотеках и читальнях практически воплотились *нормы библиотечного гуманизма*: бескорыстное человеколюбие, социальная ответственность и справедливость, гуманность и благоговение перед культурой, которые стали типичными личностными качествами профессиональных библиотекарей. Просветительскую версию правомерно считать *формулой библиотечного гуманизма*, обусловленной традиционной культурной и просветительской миссией библиотечных учреждений. Формула эта читается так: *просветительский библиотечный гуманизм есть профессиональная деятельность библиотечного сообщества, осуществляемая сознательно (разумно), свободно (без принуждения), гуманно (толерантно), во благо человека (человечества) и национальной книжной культуры*.

Советская версия — пример не гуманистической, а *квазигуманистической* библиотечной деятельности. В решении Первого библиотечного съезда РСФСР (июль 1924 г.) говорится: «Вся масса библиотечных работников вместе со всей трудовой интеллигенцией твердо осознала значение Советской власти и Коммунистической партии в борьбе за массовую культуру и социальное раскрепощение трудящихся. Основную цель своей работы библиотечные работники видят в том, чтобы выковать из библиотеки орудие выработки коммунистического мировоззрения, чтобы превратить ее в очаг воспитания и просвещения в духе марксизма и ленинизма. Усилиями библиотечных работников библиотека должна стать активным борцом за очередные лозунги Советской власти, через нее трудящиеся должны приобщиться к текущим политическим, хозяйственным и культурным задачам строительства Советского Союза» [4]. Квазигуманистическая суть советской версии заключается в замене гуманистического принципа толерантности (гуманности, плюрализма, ненасилия) антигуманистической установкой «выковать из библиотеки орудие», «стать активным борцом за очередные лозунги» и т. д. В дальнейшем эта установка превратилась в официально закрепленную идейно-воспитательную (идеологическую) функцию советских библиотек. Таким образом, *советский библиотечный квазигуманизм — профессиональная деятельность библиотечного сообщества, осуществляемая сознательно (разумно) в соответствии с требованиями советской власти во имя коммунистического воспитания советского человека по нормам советской культуры*.

Однако советскому тоталитаризму не удалось полностью дегуманизировать отечественные библиотеки, не удалось выгравировать благоговение перед Книгой. Слова М. Горького «всем хорошим

во мне я обязан книгам» были известны каждому школьнику, и библиотеки, вопреки постановлениям ЦК КПСС, служили не только коммунистическому, но и гуманистическому воспитанию трудящихся. В конечном итоге почерпнутое из библиотечных книг и самиздата гуманистическое мировоззрение оказалось сильнее антигуманистической партийной идеологии. Не будет большим преувеличением сказать, что библиотечный гуманизм, скрывавшийся под маской квазигуманизма, был одним из могильщиков Советского Союза.

Информационная версия, характерная для неклассической рациональности постсоветского библиотековедения, делает акцент не на цели библиотечной практики, а на используемые информационно-коммуникационные средства. Признаются такие ценности, как разум, творчество и знание, толерантность и плюрализм, особенно приветствуются интеллектуальная свобода и свобода самореализации. Вместе с тем отвергается альтруистический норматив, на котором настаивает просветительская версия, ибо считается, что бескорыстное человеколюбие, социальная справедливость и ответственность — старомодные ценности, не уместные в информационном обществе. Поэтому информационную версию библиотечной деятельности следует квалифицировать как *квазигуманистическую*, а не гуманистическую. Получаем формулу: *информационный библиотечный квазигуманизм — это профессиональная деятельность библиотечного сообщества, осуществляемая сознательно (разумно), свободно (без принуждения), гуманно (толерантно) в соответствии с требованиями читателей и возможностями библиотечно-информационных технологий.*

Экспансия информационной версии библиотечного квазигуманизма в условиях наступающего технократического информационного общества вызывает озабоченность. Неклассическая библиотековедческая рациональность не сможет овладеть гуманистическими ценностно-целевыми установками, свойственными постнеклассической рациональности. У дегуманизированного библиотечного института не останется шансов сохраниться в информационном обществе, так как он не будет нужен этому обществу. Почему?

Общеизвестно главное противоречие техногенного информационного общества, которое является причиной глобальных кризисов и конфликтов: мощь техники и нищета духовности. Дегуманизированное человечество обречено на самоуничтожение. Уместно вспомнить известное пророчество Д.С. Лихачева (1906—1999): «Двадцать первый век будет веком гуманитарных наук и гуманизма. В противном случае человечество может вырождаться в гуманоидов, умеющих считать и пользоваться компьютерами, но их духовные ценности можно будет выразить одним-двумя словами» [7]. Утверждение в общественном сознании гуманистических идеалов свободы и толерантности, социальной справедливости и творческой самореализации личности является сегодня для России не только самым трудным, но и самым важным делом, потому что лишь на этом пути возможен выход из того духовного, культурного и социального кризиса, который переживает страна [6]. Вопрос стоит так: технократическое начало информационного общества необходимо уравновесить гуманистическим началом; библиотеки либо смогут выполнять социально-гуманистическую миссию, либо бесславно «разбиблиотечатся», т. е. трансформируются в информатории, клубы, музеи.

Как ни странно, сегодняшнее библиотековедение игнорирует проблему библиотечного гуманизма. В период идеологической перестройки 1980—1990-х гг. гуманистическая сущность библиотечного социального института, о которой было не принято вспоминать в эпоху господства тоталитаризма, привлекла внимание библиотековедов. Официальная «Концепция библиотечного дела в СССР» (1990) ратовала за «возрождение гуманистической сущности библиотеки, закрепление приоритета ее культурной миссии» [5]. Содержание понятия «гуманизация библиотеки» четко и доходчиво раскрыл В.Р. Фирсов: «Гуманизация предполагает: активное раскрытие культурного наследия, заключенного в фонде библиоте-

ки; обоюдную заинтересованность библиотекаря и читателя в общении; создание благоприятных условий для контактов читателей между собой, оказание разнообразных услуг, которые будут способствовать выполнению первых трех из перечисленных задач» [18]. Однако в постсоветском библиотековедении идея библиотечного гуманизма развития не получила.

Странно выглядит пассивность библиотечной науки и практики, которые увлеченно занимаются вопросами информатизации, забыв о гуманизации. Получается, что средство (информационные технологии) важнее, чем цели (гуманистические ценности). Не случайно же в законе «О библиотечном деле» библиотека трактуется как «информационное, культурное, образовательное учреждение...» [17], но никак не гуманистическое. Видимо, по этой причине статья о библиотечном гуманизме отсутствует в капитальной «Библиотечной энциклопедии» (М.: Пашков дом, 2007). Я полагаю, что подобная позиция государственных мужей и теоретиков-библиотековедов дезориентирует библиотечно-библиографический институт и подрывает его социальный престиж. В будущем пренебрежение проблемой «Гуманизм и библиотека» может стоить нам доверия информационного общества, самоубийственно загоняющего себя в тупик дегуманизации. Задача настоящей статьи — обратить внимание библиотечного сообщества на необходимость использования классического просветительского опыта для утверждения гуманистической постнеклассической рациональности в библиотечном профессиональном сообществе. Было бы полезно организовать Всероссийскую научно-практическую конференцию на тему «Гуманизм и библиотеки в глобальной техногенной цивилизации».

Примечания

- ¹ Приоритетное значение информационной функции отстаивала Наталия Ивановна Тюлина (1922—2003), которая аргументировала свою точку зрения тем, что реализация любой социальной функции библиотеки — «культурно-просветительной, социализирующей, педагогической, гедонистической и др. начинается с поиска и использования информации» (Тюлина Н.И. Основные положения концепции библиотечного дела в СССР на рубеже XXI века // Библиотекарь. — 1991. — № 1. — С. 47; Она же. Информационная функция библиотеки // Библиотековедение. — 1993. — № 1. — С. 3—11).
- ² Предложение переименовать современную библиотеку в «информотеку» содержится в статье: Грачев В.И. Библиотека в системе социально-коммуникативной деятельности и проблема подготовки специалистов нового профиля / В.И. Грачев, Л.И. Рудич // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1989. — № 6. — С. 3—6.

1. Ванев А.Н. Библиотековедение в России конца XX века / А.Н. Ванев. — СПб. : Профессия, 2007. — С. 181.
2. Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек / Б.Ф. Володин. — СПб. : Профессия, 2002. — С. 106.
3. Голубева Н.Л. Детская библиотека : современные проблемы развития : науч.-метод. пособие / Н.Л. Голубева. — М. : Литера, 2009. — С. 45.
4. История библиотечного дела в СССР. Документы и материалы. Ноябрь 1920 — 1929. — М., 1979. — С. 196 — 197.
5. Концепция библиотечного дела в СССР // Библиотекарь. — 1990. — № 5. — Вкладыш. — С. 1.
6. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / В.А. Лекторский. — М., 2006. — С. 13—37.
7. Лихачев Д.С. XXI век должен быть эпохой гуманизма / Д.С. Лихачев. — М. : Наука, 1987. — С. 31.
8. Никонорова Е.В. Инновационная стратегия: культура и библиотеки в контексте развития научного знания (по публикациям 2004 — 2006) // Библиотечное дело — XXI век : науч.-практ. сб. — 2006. — № 2 (12). — С. 6—29.
9. Скворцов В.В. Библиотековедение : вчера, сегодня, завтра (полемиические заметки) // Библиотековедение. — 1996. — № 4/5. — С. 37—45.
10. Он же. Концепция библиотеки в современном российском библиотековедении // Российское библиотековедение : XX век : направления развития, проблемы и итоги. Опыт моногр. исслед. — М. : Фаир-Пресс, Пашков дом, 2003. — С. 159—177.
11. Он же. Социальные функции современной библиотеки // Н.С. Карташов, В.В. Скворцов. Общее библиотековедение. — М., 1997. — Ч. 2. — С. 3—14.
12. Соколов А.В. Теория библиографии в лабиринте концепций // Мир библиографии. — 2009. — № 4. — С. 9—20.
13. Степин В.С. Исторические типы научной рациональности // В.С. Степин. Цивилизация и культура. — СПб. : СПбГУП, 2011. — С. 163—207.
14. Он же. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика : философия, наука, культура : коллектив. моногр. / отв. ред. : Л.П. Киященко, В.С. Степин. — СПб. : Мир, 2009. — С. 249—295.
15. Он же. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопр. философии. — 1989. — № 10. — С. 3—18.
16. Столяров Ю.Н. Библиотека : структурно-функциональный подход / Ю.Н. Столяров. — М. : Книга, 1981. — 255 с.
17. Федеральный закон «О библиотечном деле» : от 29.12.1994 № 78-ФЗ // Рос. газ. — 1995. — 17 янв.
18. Фирсов В.Р. Библиотека в социокультурной ситуации // Сов. библиотековедение. — 1989. — № 4. — С. 15.
19. Хавкина Л.Б. Книга и Библиотека / Л.Б. Хавкина. — СПб. : Изд-во РНБ, 2011. — 152 с.